

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ

академик РАН

ТЕРРОРИЗМ

Исследователь, изучающий исторические корни терроризма, сразу же сталкивается с вопросом: можем ли мы понятия, терминологию, общественные ценности, правовые и моральные нормы сегодняшнего дня переложить на другие эпохи, другие общества, другие цивилизации? Да что давняя история! Нелегитимные, “террористические”, с точки зрения современных государств и существующих правовых норм, акты насилия считаются лицами и организациями, их совершающими, не только морально оправданными, но и императивными, нередко определяемыми высшей волей. Участники насильственных национально-освободительных войн, сепаратистских движений, переворотов, абсолютно нелегитимных и преступных с точки зрения прежнего общественно-политического устройства, в случае победы становятся героями или святыми, создают новый общественно-политический порядок, новые правовые и моральные нормы.

Само понятие “терроризм” в наши дни настолько расплывчато, что существует около двухсот его определений. Участники V Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1975) пришли к выводу, что трудно дать более или менее точное определение понятию “терроризм”. В массовом сознании под термином “терроризм” подразумевается убийство мирных жителей, особенно детей, женщин, стариков, независимо от объявленных мотивов или политических целей, будь то права или интересы той или иной социальной, этнической или конфессиональной группы, требование автономии или независимости, ответ на политические или религиозные репрессии, привлечение общественного внимания (точнее – внимания СМИ) к тем или иным требованиям, распространение хаоса или нанесение экономического ущерба. Поиски согласованного определения, по мнению участников Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам ООН, обычно наталкиваются на две проблемы. Первая связана с доводом о том, что определение терроризма должно допускать применение государствами вооруженных сил против мирного населения. Вторая обусловлена тем, что народы, находящиеся под иностранной оккупацией, имеют право на сопротивление и что определение терроризма не должно умалять это право. Такой подход делает невозможной квалификацию насильственных действий против представителей власти, вооруженных силовых структур. Получается, что, с точки зрения международного права, насильственные действия против оккупационных войск на оккупированных территориях – легитимны, а против мирных поселенцев на захваченной земле – нелегитимны и представляют со-

---

* Статья подготовлена с учётом материала, собранного совместно с кандидатом политических наук В. Гаревым.

бой акты терроризма. А если кто-либо утром вооружён, а вечером отдыхает в кругу семьи, повесив автомат на гвоздь? А если солдат оккупационных войск в трусах и без оружия играет в футбол в отпуске у себя дома? А если “сопутствующими жертвами” операций оккупационных войск против тех, кого они называют “террористами”, становятся десятки, тысячи, десятки тысяч именно мирных жителей, в том числе детей, женщин, стариков?

Мы не собираемся отвечать на все заданные вопросы, мы их поставили для того, чтобы в намеченном нами кратком историческом обзоре насильственных действий, в том числе убийств, с политической, социальной и/или идеологической окраской избежать, по мере возможности, применения современного термина “терроризм”. Пусть читатель сам даёт оценку этим актам насилия и употребляет ту терминологию, которая соответствует его убеждениям.

Одна из самых ранних в истории группировок, прибегнувших к насилию с целью вызвать общественный резонанс, – сикарии, тайная секта, действовавшая на территориях, ныне занимаемых государством Израиль, в 60–70-х годах н.э. По сообщению Иосифа Флавия, сикарии применяли следующую тактику: они нападали на представителей власть имущих в дневное время, особенно по праздникам, когда Иерусалим бывал запружен толпами людей. Любимым оружием сикариев был кинжал или короткий меч (сика), который они прятали под одеждой. Сикарии уничтожили дом первосвященника Анании, а также дворцы представителей династии Иродов, они сожгли публичный архив, чтобы уничтожить расписки должников, что предполагает форму социального протеста. У Тацита упоминается, что сикарии сжигали зернохранилища и выводили из строя системы водоснабжения в Иерусалиме. Это были экстремисты, настроенные и против власти Рима, а также против евреев, стоявших за мир с Римом. Сотрудник Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне Уолтер Лакёр в книге “Терроризм” пишет о том, что до сего момента так и не ясно, руководствовались ли сикарии в своих действиях исключительно религиозными убеждениями, или их борьба носила социальный подтекст. Из некоторых источников следует, что у сикариев была разработанная доктрина, так называемая “четвёртая философия”, нечто вроде иудейского протестантизма. Они считали, что повинуются одному лишь Богу, не признавая над собой никакой земной власти. Другие авторы упирают на то, что сикарии возглавляли движение социального протеста, настраивая низы против богатых верхов. Однако, по убеждению Иосифа Флавия, сикарии были самыми обыкновенными разбойниками, которых использовали враги Рима, а их призывы к справедливости и исполнению Божественной воли служили лишь прикрытием их неблагоприятных, корыстных целей.

Спустя много столетий мы находим сочетание религиозного мессианства и убийств с политическим подтекстом у получившей большую известность на Западе секты ассасинов, отпочковавшихся от исмаилитов. Они появились в XI веке и прославились в борьбе против турок-сельджуков и крестоносцев, но были разгромлены монголами в XIII веке. Интерес учёных к ним в последние годы возрос, поскольку многое в их тактике, в их убеждениях и методах напоминает современных террористов.

В начале 90-х годов XI столетия выходец из иранского Хорасана Хасан ас-Саббах (“Горный Старец”) обратился с пламенной проповедью исмаилизма, противопоставив себя и другим мусульманам, и “неверным” крестоносцам. Он захватил высокогорную и практически неприступную крепость Аламут и бросил вызов правившей тогда в Иране династии Сельджуков. Хасан ас-Саббах мало отличался от местных феодалов. Его подданные рыли в окрестностях Аламута каналы с водой, укрепляли цитадель, платили дань продовольствием, поставляли воинов для защиты от нападений сельджукского войска. Из Аламута ассасины совершали набеги на другие области ослабевшей империи Сельджуков, вплоть до Сирии, убивая местных правителей.

Их естественными врагами стали крестоносцы. Рассказы о жесткости ассасинов вошли в европейский фольклор благодаря уцелевшим и возвратившимся домой крестоносцам. О террористической деятельности секты “глотателей гашиша” в своих сочинениях упоминал и известный путешественник Марко Поло. Ассасинам удалось убить Конрада Монферратского, правившего Иерусалимским королевством. Но их врагами были и суннитские правители. Они дважды пытались убить Саладдина, но неудачно. Ассасины нередко выдавали себя за представителей других религий, в том числе и за христиан.

Они не пользовались ни ядами, ни метательными снарядами. Их оружием был кинжал, и не только в силу его высокой надёжности, но и потому, что в убийстве с помощью кинжала они видели нечто ритуальное. Секта отличалась высочайшей дисциплиной и, употребляя современное слово, конспирацией. Ассасины приветствовали мученичество и смерть во имя своей веры, были убеждены, что их жизнь и смерть послужат торжеству “истинного ислама”, а после смерти их, естественно, ожидает рай.

Само слово “ассасин” – “убийца”, – вошедшее в некоторые европейские языки, восходит к арабскому корню – “хашиш” (гашиш в русском варианте) – известному наркотику. Употреблявших “хашиш” называли “хашшашины”, что при исчезновении “ха” и превращении “ша” в “эс” привело к появлению слова “ассасины”. Будущих ассасинов якобы погружали в наркотический сон с помощью гашиша, спящими их переносили в сад, где они могли насладиться гуриями, то есть представить себя в раю, куда они попадут, совершив богоугодное убийство и погибнув. Некоторые исследователи полагают, что убийцу просто накачивали наркотиками перед совершением “операции”.

В Южной Азии и на Дальнем Востоке действовали тайные общества иного толка. Англо-индийская администрация в течение долгого времени не могла справиться с так называемыми пхасингарами (“душителями”). Тайная бенгальско-кашмирская секта, поклонявшаяся Кали, практиковала своеобразный вид человеческих жертвоприношений: жертву (чаще всего паломника или купца) под каким-либо предлогом заманивали в лес и удушали специальным шелковым шнурком. Члены секты считали, что этот способ убийства восходит к ритуальным жертвоприношениям богине Кали. Секта пхасингаров существовала с начала XI века, наводя ужас на паломников и путешественников. Случалось, что “душители” истребляли целые караваны паломников. Однако в секте существовал строгий запрет на убийство женщин, животных женского пола и ремесленников, находящихся под защитой Кали (ювелиров, кузнецов, медников, плотников, камнерезов и сапожников). Как заявил захватившим его в плен англичанам член этой секты Феррингея: “Если кто-нибудь хоть раз испытывает сладость жертвоприношения, он уже наш, даже если он овладел разнообразными ремёслами и у него есть всё золото мира. Я сам занимал достаточно высокую должность... Но становился самим собой, только когда возвращался в нашу секту”. Политические убеждения “душителей” оставались крайне туманными, сектанты не ставили специальных задач по устрашению властей или населения. Британские колониальные власти объявили пхасингарам беспощадную войну. Под руководством капитана, а впоследствии генерал-майора Уильяма Слимана, при активной поддержке местного населения к середине XIX века “душители” были полностью истреблены.

В Китае тайные общества – триады – были основаны в конце XVII века, когда маньчжуры захватили большую часть территории Китая. Первоначально они ставили задачу свержения господства маньчжуров и восстановления династии Минь. В ряде случаев триады взяли в свои руки местное самоуправление, осуществляя административные и судебные функции. Многие триады расширили философию сопротивления маньчжурским завоевателям и включили в число противников также “белых дьяволов”, в особенности британцев, силой навязавших Китаю торговлю опиумом. Триады неоднократно возглавляли народные восстания, жестоко подавлявшиеся маньчжурами. После Восстания Красных Тюрбанов в начале XIX века победившие маньчжуры подвергли восставших жесточайшим репрессиям: сотни тысяч китайцев были обезглавлены, закопаны живьём, медленно удушены. Многие члены триад были вынуждены искать убежища в Гонконге и США. По оценкам британских властей, более двух третей населения Гонконга того времени состояло в различных триадах. К началу XX века Триады потеряли массовую поддержку. Они постепенно перешли на использование криминальных методов обеспечения своей деятельности: рэкету, контрабанде, пиратству, вымогательству, фактически стали мафиозной организацией с соблюдением ряда особых ритуалов.

К организациям, прибегающим к насилию с социально-политическими целями, можно отнести американский ку-клукс-клан. В США существовало не одно такое общество, а целых три. Первое возникло на Юге США после гражданской войны.

Негритянская эмансипация была главным врагом этого тайного и охотно прибегавшего к насилию клана, особенно по отношению к афро-американ-

цам. Первый ку-клукс-клан был распространён преимущественно в сельских районах Соединённых Штатов, члены его действовали – несмотря на претенциозную дисциплину – спонтанно и самостоятельно. Второй клан (существовавший примерно с 1915 по 1944 год) также исходил из идеи превосходства белых, но одновременно считал себя носителем идеологии американского патриотизма. Именно в эти годы ку-клукс-клан становится общенациональным явлением. В него теперь вошли не только южане, но и жители практически всех штатов. В 1924 году численность организации составляла около 4 миллионов человек. Его члены преследовали бутлегеров (самогонщиков), игроков в азартные игры и даже мужей, которые избивали своих жён. Ку-клукс-клан “второго призыва” активно интегрировался в политический истеблишмент американского Юга. Как на уровне штатов, так и на местном, ку-клукс-клан весьма активно занимался бизнесом. Однако к 1930 году его численность сократилась до 3000 человек, причиной тому стали финансовые и политические передряги. Клан был официально распущен в апреле 1944 года. Финальной точкой его существования стал федеральный иск на 685 тысяч долларов в связи с неуплатой налогов. В результате клан лишился своих льгот и привилегий и быстро сошёл на нет. Возрождение клана после Второй мировой войны Самуэлем Гринном было связано с обурявшим Соединённые Штаты страхом перед коммунизмом. В 1960-е годы члены клана ожесточились против афроамериканцев, боровшихся за свои гражданские права. Третий клан сохранил свои идеологические позиции “превосходства белых” до наших дней, однако какими-либо эффективными действиями себя не проявил. Убийство Мартина Лютера Кинга было скорее действием одиночки, а не организации.

В эпоху абсолютизма политические убийства случались нередко, но были отражением внутриэлитной борьбы или стремлением аристократической “контрэлиты” взять власть и получить права, богатства, почести. Борьба за власть, а иногда за смену координат внутренней и внешней политики принимала характер и гражданских, и межгосударственных войн с их многочисленными жертвами. Французская революция, ставшая тоталитаризмом в гражданских, “демократических” одеждах, породила (хотя отнюдь не впервые в истории) политику “террора” – массовых убийств реальных или потенциальных оппонентов власти. Рассуждая в Конvente о принципах политической морали, Максимилиан Робеспьер говорил: “Террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость; следовательно, он является проявлением добродетели, он не столько особый принцип, сколько вывод из общего принципа демократии, применяемого отечеством в крайней нужде”. Пройдёт немного более столетия, и русская революция породит и большевистский, и белый “террор” в таких масштабах, что французский “террор” покажется лишь детской репетицией будущей чудовищной трагедии.

В XIX веке тектонические социально-экономические сдвиги, вызванные развитием “дикого” капитализма, урбанизацией, индустриальной революцией, потерей социальной ориентации значительных слоев населения, привели к появлению новых “универсалистских” доктрин – социализма, коммунизма, анархизма, а в начале XX века – фашизма. В этой атмосфере зарождалась новая эпоха насильственных действий, носивших антигосударственный, антиправительственный характер. Они всё чаще стали называться “терроризмом”, и этот термин стал приобретать знакомое современному миру значение. К числу известных пропагандистов социального насилия и политических убийств той эпохи можно отнести немецкого радикала К. Гейнцгена, говорившего о возможности противопоставить регулярным войскам небольшое количество вдохновлённых новыми идеями людей, наделённых умением с помощью ограниченных средств создавать максимальный хаос. Примечательно, что Гейнцген пытался легитимизировать убийство не только политической или социальной необходимостью, но также природной: “Возможно, что убийство имеет не только историческую, но также и природную необходимость. Возможно, что атмосфере или земной коре определённое количество человеческой крови необходимо для удовлетворения химических или каких-либо иных потребностей”.

Утопический социалист, начальник штаба армии Римской республики (1849) Карло Пизакане в своей теории “пропаганды действием” развивает идею о том, что “пропаганда идеи – недостижимая цель. Идеи рождаются из деяний, а не наоборот. Знание не даёт людям свободы, но свобода способ-

на дать познание”. Насилие необходимо не только для привлечения внимания к собственной деятельности, но и для просвещения, обучения и сплочения народа во имя революции.

Эти идеи были подхвачены российскими теоретиками-анархистами П. Кропоткиным и М. Бакуниным. Практики-народовольцы претворили их в жизнь, превратив свои покушения на царя и его приближённых в эффективные акции, призванные привлечь к ним общественные симпатии. Эти действия уже настолько близки к современным понятиям “терактов” и настолько утвердились в литературе под термином “терроризм”, что и мы будем его использовать, не претендуя на безусловную точность терминологии. Систематические террористические акции в Европе, Америке, на Ближнем Востоке начинаются во второй половине XIX столетия. С самого начала это течение разделилось на несколько вполне отчётливых рукавов. Так, в России леворадикальные группировки вели борьбу с самодержавием террористическими методами в 1878–1881 годах, а затем – в самом начале XX столетия. Радикальные националистические группировки – армяне, ирландцы, македонцы, сербы – пользовались террористическими методами в борьбе за национальную автономию и независимость. В 90-е годы XIX столетия анархисты повели “пропаганду действием” – то есть убийствами – во Франции, Италии, Испании и Соединённых Штатах. Отдельные политические убийства в Италии и Франции вызывали большой общественный резонанс, хотя и не являлись частью какой-то общей стратегии.

Отметим, что теоретики и практики терроризма XIX века значительное внимание уделяли не только идеологическому содержанию террористического акта, но и его внешней атрибутике. Дерзость и зрелищность терактов, по их мнению, должны были иметь серьёзное психологическое воздействие не только на национальные правительства, но и на массы. Пётр Кропоткин писал: “Выступления, привлекающие всеобщее внимание, открывают идею доступ в умы и вербуют ей новых приверженцев. Один такой акт делает иногда в один день больше пропаганды, чем тысячи брошюр”.

Среди российских леворадикальных движений особую роль играла “Народная воля”, хотя действовала она лишь в конце 70-х – начале 80-х годов. Эта организация стала предпринимать вооружённые акции, когда один из её членов, некто Ковальский, взялся за оружие, сопротивляясь аресту. Затем Вера Засулич застрелила генерал-губернатора Петербурга. Главной целью “Народной воли” было убийство императора Александра II. В сентябре 1879 года революционным трибуналом “Народной воли” был приговорён к смерти “царь-освободитель”. Ещё раньше, в апреле, некто Соловьёв покушался на жизнь царя, но делал это по собственному почину. Последующие покушения на государя (попытка пустить под откос царский поезд и взрыв бомбы в Зимнем дворце) также не увенчались успехом. Царь был убит 1 марта 1881 года. Парадокс ситуации состоял в том, что большинство народовольцев к этому моменту были уже арестованы. Это событие стало одновременно и апогеем, и финалом кампании террора. К середине 80-х годов правительство приняло серьёзные меры для обуздания волны антигосударственного терроризма, и примерно на два десятилетия в России наступило затишье.

В начале XX века в Россию пришла вторая волна терроризма. А. И. Суворов в своей статье “Политический терроризм в России XIX – начала XX веков. Истоки, структура, особенности” пишет: “Террор второй волны отличался не только большей массовостью, но и неразборчивостью в выборе жертв: мишенью мог стать любой служащий, каким-либо образом связанный с правительственными структурами, любой человек в униформе”. Вторую волну террора традиционно связывают с деятельностью эсеров, однако в ней немалое участие приняли анархисты, максималисты, националистические политические объединения Польши, Прибалтики, Кавказа. Приложили к этому руку и социал-демократы, в том числе большевики.

Приводимые в разных источниках данные о количестве жертв террора тех лет поражают своими масштабами. Выступая на заседании Государственной Думы, Пётр Столыпин привёл следующие цифры: с октября 1905 года по апрель 1906 года по политическим мотивам в стране убито 288 государственных служащих, 383 ранено. Правовед профессор Н. С. Таганцев в своей работе “Смертная казнь” подсчитал, что в 1905–1908 год было убито 2563 должностных лица и 3616 частных лиц.

Жертвами террористов второй волны стали великий князь Сергей Александрович, министры Н. П. Боголепов, Д. С. Сипягин, В. К. Плеве, главный военный прокурор В. П. Павлов, начальник Главного тюремного управления А. М. Максимовский, десятки губернаторов, руководители многих жандармских и полицейских служб. Последним убийством, потрясшим Россию, стало покушение в Киевском оперном театре на председателя Совета министров Петра Столыпина. 1 сентября 1911 года Столыпин был смертельно ранен одиночкой и, возможно, двойным агентом Д. Богровым.

Третья волна терроризма поднялась уже после захвата власти большевиками в 1917 году. Новый всплеск террористической активности следует воспринимать, во-первых, как реакцию на действия большевиков со стороны воинствующей оппозиции (были убиты Урицкий и Володарский, ранен Ленин), во-вторых, как попытку срыва переговоров о мире между Россией и Германией (жертвами террористов стали германские дипломаты и военные). Однако большевикам без особого труда удалось погасить этот пожар, применив тактику “большого террора” против мелких террористов.

На этом фоне деятельность ирландских террористов выглядит гораздо скромнее, хотя огонь насилия, то угасая, то вспыхивая, напоминал о себе многие десятилетия. Первая такая вспышка случилась в 1791 году как результат активности Объединённых ирландцев и массового недовольства среди крестьян. Тактика открытого вооружённого противостояния британским властям 60-х годов XIX века потерпела поражение. Активность так называемых “динамитчиков” в 70-х и 80-х годах XIX века запомнилась такой громкой акцией, как массовые убийства в Феникс-парке. Затем наступило затишье на несколько десятилетий, с новыми вспышками в 1919–1921 годах, перед Второй мировой войной, а затем – уже в 70–80-х годах XX века.

В 90-х годах XIX столетия заявили о себе армянские террористы, выступавшие против турецких угнетателей. Новые вылазки террористов-армян имели место в 1918 году и привели к убийству ряда турецких государственных чиновников, замешанных в массовом уничтожении армян в годы Первой мировой войны. Сравнительно недавней вспышкой такого терроризма был отмечен 1975 год, когда армянами были убиты турецкие послы в Париже и Вене, а также первый секретарь турецкого посольства в Бейруте. Первый взрыв бомбы в метро произошёл в 1977 году в Москве, когда армянские националисты из партии “Дашнакцютюн” привели в действие на станции “Бауманская” бомбу, заложенную в чугунную кастрюлю. Погибло 6 человек.

В те годы, когда армянские экстремисты только начинали свою борьбу против турок, возникла ещё одна антитурецкая сепаратистская организация – македонская. Называлась она ВМОРО – Внутренняя македоно-одринская революционная организация. Основанная в 1893 году в Салониках Гоце Делчевым и Дамяном Груевым, ВМОРО поначалу занималось исключительно пропагандой. Однако со временем это подпольное общество превратилось в военизированное движение, сочетавшее индивидуальный террор с подготовкой к массовому восстанию. Илинденское восстание, провозгласившее Крушевскую республику, и Преображенское восстание, провозгласившее республику в городе Малко-Тырново, были подавлены турецкими войсками в сентябре 1903 года. Несмотря на то, что тысячи повстанцев погибли в боях или были расстреляны, десятки тысяч остались без крова, тем не менее, македонцам удалось избежать геноцида. Македония в те годы так и не обрела независимости: в 1912–1913 годах она оказалась поделённой между Грецией, Болгарией и Сербией. ВМОРО продолжала действовать уже с болгарской территории. “Впоследствии, – утверждает американский исследователь Б. Хофман, – эта организация превратилась в преступную группировку, состоящую из наёмных бандитов и политических убийц”. В период с 1924 по 1934 год в междоусобицах и распрях внутри ВМОРО погибло куда больше людей, чем от их рук в стане их противников.

Среди прочих экстремистских группировок, действовавших до Первой мировой войны, следует отметить польских социалистов и группы западных украинцев. Образовавшееся на рубеже веков в Польше тайное общество “Просвещение люда” покрыло вся страну сеть организационных центров в целях привлечения польской молодёжи к антигосударственной деятельности, пропаганды полонизма и ненависти к “москалям”. Примечательно, что тайное общество активно привлекало к своей деятельности девушек. По вос-

поминаниям Б. Савинкова: “Поставив прочно организацию патриотических кружков в мужских средних учебных заведениях... главный комитет “Просвещения” обратил все свои силы на то, чтобы стать в такое же положение и по отношению к учащимся польским девушкам”. Прошедшие идеологическую обработку девушки могли участвовать в наружном наблюдении за объектом покушения, собирать взрывные устройства и совершать террористические акты. В Польше западные украинцы и после Первой мировой войны не прекращали борьбы – на сей раз против Варшавы – с требованиями автономии, категорически отвергавшимися польским правительством.

Террористическая активность в Соединённых Штатах Америки в конце XIX – начале XX веков имеет ярко выраженные социальные черты. Причиной так называемого “рабочего терроризма” являлись не политические пристрастия участников, а, скорее, чувство потерянности, отчуждённости от общества, характерное для рабочих-эмигрантов, оказавшихся в новой стране и ощущавших себя объектами постоянной дискриминации и эксплуатации. Самыми кровавыми террористическими актами тех лет стали взрыв бомбы во время митинга рабочих в Чикаго, в результате погибло 12 человек (1 мая 1886 года); взрыв в здании редакции газеты *The Los Angeles Times*, погиб 21 человек (1910 год); взрыв бомбы на Уолл-стрит (Нью-Йорк) в 1920 году, погибли 40 человек, 300 получили ранения. Следует отметить, что американский терроризм той поры преследовал узкие социальные задачи и не был нацелен на изменение политической системы США.

Ещё одной страной, где терроризм выступал существенным фактором политической жизни, была Испания. Завоевание её Наполеоном спровоцировало появление народного карательного движения, сформулировавшего принципиально новую концепцию ведения боевых действий – так называемую “герилью”. Герилья – производное от испанского слова *guerra*, дословно означает “маленькая война”. Во многом тактика и стратегия испанской герильи повлияли на организацию революций века двадцатого. Недаром взявший на вооружение базовые принципы герильи Эрнесто Че Гевара называл войну герилья “народной войной”.

Для Испании XIX век ознаменовался бурными вспышками насилия, особенно в период так называемых “карлистских войн”. Рост рабочего движения, испытывавшего сильное влияние идей Бакунина, сопровождался применением насилия и использованием методов терроризма. Испания пережила свою “эпоху покушений” в 1890-е годы, рецидивы терроризма в этой стране были отмечены в 1904–1909 годах, а затем в период Первой мировой войны и сразу по её окончании. Среди существовавших на тот момент многочисленных анархистских объединений особым влиянием пользовалось объединение ИФА (Иберийская федерация анархистов). Одному из его руководителей, Буэнавентуре Дуррути, принадлежит крылатая фраза: “Мы не боимся руин”. Особого успеха действия анархистов не имели, и среди представителей левых постоянно шли распри, что привело к резкому ослаблению движения в период гражданской войны 1936–1939 годов. Постепенно из Испании терроризм и анархизм в начале XX века перекочевали в Латинскую Америку, в первую очередь в Аргентину.

Западную Европу в конце XIX века захлестнула волна выступлений анархистов, одержимых идеей “пропаганды действием”. “Подвиги” анархистов между 1892 и 1894 годами вызвали во Франции немалый общественный резонанс. Выходки бомбистов-одиночек совпали с призывами анархистов к насилию, что создало миф о существовании международного заговора, какового на деле никогда не было. В массовом сознании, не на шутку встревоженном тайным и загадочным характером анархистских группировок, представители всех радикальных политических течений, будь то анархисты, социалисты или нигилисты, слились в единый образ врага.

Терроризм в те годы носил преимущественно индивидуальный характер. Жертвами, как правило, становились ведущие политические деятели того времени. Среди них американские президенты МакКинли и Гарфилд, президент Франции Карно, премьер-министр Испании Антонио Кановаса, австро-венгерская императрица Елизабет, король Италии Умбертс. Террористы предприняли несколько неудачных покушений на Отто фон Бисмарка и германского кайзера Вильгельма. Несмотря на то, что от рук террористов пали первые лица государств, эпоха индивидуального террора в Европе не имела

серьёзных политических последствий. К 1905 году волна политических покушений везде – за исключением России – пошла на убыль. Во многом это объясняется тем, что терроризм не имел широкой поддержки со стороны социальных низов и оставался способом политической артикуляции узкого круга политических сил, оппозиционных господствовавшим режимам.

Не следует, однако, забывать, что теракт сербских националистов, жертвой которого стал австрийский престолонаследник, эрцгерцог Франц Фердинанд, послужил поводом к началу Первой мировой войны.

До Первой мировой войны террористические методы рассматривались общественностью исключительно как признак левизны. Впрочем, ни ирландские, ни македонские борцы за независимость, ни армянские и бенгальские террористы не имели отношения к анархизму или социализму. Да и российских черносотенцев, одной из первых задач ставивших борьбу с революцией, трудно упрекнуть в левых взглядах. Тем не менее, в массовом сознании образ террориста твёрдо укоренился в связке с такими понятиями, как “анархизм” и “социализм”. Сразу после Первой мировой войны террористические методы берут на вооружение правые и сепаратистски настроенные группы, как, например, хорватские усташа, получавшие помощь от фашистской Италии и Венгрии. Хорваты требовали независимости и были готовы принимать помощь от кого угодно. Усташа сотрудничали с нацистами, активно участвовали в геноциде сербов, их борьба против центрального правительства продолжалась и после Второй мировой войны.

В 1920-е годы систематический терроризм культивировался на периферии многочисленных ультраправых и фашистских движений, а также среди их предшественников, например, “фрайкоровцев” в Германии, и среди членов румынской “Железной гвардии”. Наступило время массовых политических партий, как правого, так и левого толка, и правые и левые экстремисты переросли стадию индивидуального террора. На этом историческом рубеже в очередной раз меняется значение термина “терроризм”. С этого момента данное понятие начинает всё чаще использоваться для обозначения массовых репрессий, направленных тоталитарными государствами и правителями-диктаторами против народа. Громкие политические убийства тех лет впервые заставили международное сообщество координировать борьбу с терроризмом. Жертвами терактов стали Роза Люксембург и Карл Либкнехт (1919), Ратенау (1922), а также югославский царь Александр. Убийство в 1934 году французского премьера Барту заставило Лигу Наций вынести ряд резолюций и основать несколько комиссий с целью борьбы с проявлениями международного терроризма. Однако эти старания оказались тщетными, поскольку одни страны действительно были намерены положить конец подобным проявлениям жестокости, другие же активно использовали террористические методы для осуществления своих политических целей. Разумеется, в такой ситуации достижение консенсуса было практически невозможно.

На Востоке вспышки террористической активности поначалу не были интенсивными. Политические убийства, как правило, совершали одиночки. К такого рода терактам можно отнести убийство египетского премьер-министра Бутроса Гали в 1910 году и убийство в 1924 году главнокомандующего египетскими вооруженными силами Ли Стэка. В 30-е и 40-е годы терроризм берет на вооружение экстремистские организации правого толка “Мусульманское братство” и “Молодой Египет”. От их рук погибли два премьер-министра и ряд видных политических фигур. В ответ был убит лидер “Братьев-мусульман” Хасан аль-Банна.

В Палестине действовали такие сионистские организации, как “Иргун Цвай Леуми” и ЛЕХИ, также прибегавшие к тактике индивидуального террора. В 1939 году “Иргун” прекратил свои антибританские вылазки и, по слову швейцарского учёного Симона Жаржи, занимался дезорганизацией, саботажем и разрушением. Более экстремистски настроенные члены ЛЕХИ продолжали борьбу. Немалый резонанс получило совершённое ими убийство лорда Мойна.

В Индии с её традиционной нелюбовью к насилию в 20-е годы неожиданную популярность получила террористическая группировка “Бхагат Сингх”. Джавахарлал Неру был склонен преуменьшать опасность индийского терроризма. “Терроризм, – говорил он, – ослепляет своим показным героизмом авантюрно настроенных молодых людей и сильно отдаёт детективом”. Вскоре

после завоевания Индией независимости жертвой террористического акта стал проповедник ненасилия Махатма Ганди, а противоречия между Индией и Пакистаном превратились в кровопролитную войну во многом благодаря усилиям террористов.

Оценивая движение сопротивления державами оси в годы Второй мировой войны, не дозволено говорить об отдельных партизанских операциях как о терактах. . . В результате спецопераций были убиты имперский протектор Богемии и Моравии Гейдрих, гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе, ряд французских, русских, украинских, латышских коллаборационистов второго-третьего ряда. Это была или партизанская война в разных формах, или военные операции, непосредственно планировавшиеся в штабах антигитлеровской коалиции. Особняком стоит “Волынская резня” поляков (от 20 до 100 тысяч, по разным оценкам), устроенная вооружёнными украинскими националистами.

Крушение колониальных империй после Второй мировой войны происходило как сравнительно мирно, так и в результате долгих и кровопролитных национально-освободительных войн. Назовём хотя бы Вьетнам и Алжир, Малайзию и Кению, Анголу и Мозамбик. Война – дело жестокое с двух сторон, хотя львиная доля жертв и страданий выпала на долю колониальных стран и народов. Назвать “террористами” бойцов национально-освободительных армий или партизан тех времён, используя пропагандистскую терминологию метрополий, в наши дни выглядело бы просто нелепо.

Сложнее обстоит дело с определением “кто есть кто” в Израиле – Палестине. Взрыв отеля “Царь Давид” в Иерусалиме в июле 1946 года, в результате которого погиб 91 человек и 45 получили ранения различной степени тяжести, или убийство графа Бернадота считаются террористическими актами сионистов, хотя официально историография Израиля избегает таких эпитетов. Дальнейшая история палестино-израильских отношений настолько сложна, настолько полна взаимными обвинениями, когда акты насилия и убийств с политическими целями каждая из сторон характеризует как “терроризм”, что эта тема требует отдельного исследования, выходящего за рамки нашей статьи.

Со второй половины XX века учёные, политики и публицисты попытались разделить два тождественных понятия: “террор” и “терроризм”. Понятие “террор”, как правило, стало применяться к открытому насилию со стороны государства, а понятие “терроризм” связывается с деятельностью экстремистских оппозиционных групп. “Принципиальное их сходство заключается в том, что и то, и другое явления выступают как формы открытого насилия, направленного против тех, кто является (или объявляются ими) политическим противником, – пишут В. В. Витюк и И. В. Данилевич. – Принципиальное же их различие основывается на том, что государственный террор является открытым насилием государства над обществом и человеком, а терроризм – насилием, практикуемым заговорщическими группировками по отношению к государству и лицам, его представляющим”. Несовершенство и этой формулировки очевидно. Куда относится его авторы теракты “заговорщических групп” против мирного населения? А акты государственного терроризма против противников того или иного государства, находящихся за его пределами?

До взрыва терроризма с религиозной окраской, который стал главной формой экстремизма за последние три-четыре десятилетия, мир пережил вспышки и “левого терроризма” (Германия, Франция, Турция, Япония), и “правого” – взрыв вокзала в Болонье. Причины временной активизации левых экстремистов понятны: быстрая трансформация общества от индустриального к постиндустриальному оставляет за бортом какую-то часть населения, кризис коммунистической идеологии и крах её главного носителя – Советского Союза – создали идеологический и политический вакуум слева. Его и пытались заполнить группочки “левых” террористов, не имевших социальной поддержки. Для “правых” экстремистов ситуация похожая. В условиях тяготения западного общества к центристским решениям и конструкциям и ослабления левых исчезает “образ врага”. Задачи, которые ставят крайне правые, и так выполняются – с большой гибкостью – правящими социальными силами или внедряются в сознание людей с помощью СМИ, особенно телевидения. Пока что тоталитарные схемы управления обществом просто не нужны и не находят поддержки. Для правых остаётся на данном этапе последний резерв – ксенофобия. Она-то и может давать и изредка даёт рецепты правого терроризма.

Но для неискушенной публики остаются неизвестными кукловоды, которые используют и правых, и левых экстремистов в корыстных целях, не имеющих ничего общего с их объявленной идеологией.

Мы ещё раз отмечаем, что нами сделано сугубо схематическое и отнюдь не полное изучение истории экстремистских движений, прибегающих к насильственным методам борьбы. Их социальные, идеологические, этнические, конфессиональные, психологические корни настолько различны, что было бы пустой тратой времени искать для них общий знаменатель. Но некоторые формальные, так сказать, “технические” общие признаки явно прослеживаются: это и готовность к насилию, в том числе к убийствам, даже массовым, во имя достижения поставленных целей, и готовность к риску вплоть до самопожертвования, и принадлежность к организациям с жёсткой дисциплиной, и стремление превратить теракт в шоу с максимальным воздействием на публику...

В мире убыстряющихся перемен всегда будут недобольные, отверженные, неудачники, психопаты, люди без морали и совести, всегда будут деятели, верящие в терроризм как в метод достижения каких-то личных или общественных идеалов, всегда найдутся кукловоды, которые будут использовать террористов для своих целей. Поэтому было бы не пессимизмом, а реализмом предсказать, что терроризм останется угрозой для цивилизации на годы вперёд.

Не нужно только преувеличивать эту угрозу и использовать её как предлог для достижения неоимперских замыслов.

Примерно такого рода замыслы были продемонстрированы американскими “неоконсерваторами”, проповедующими “высшие ценности” американского общества и “необходимость” распространить их по всему миру, если нужно – силой. “Демократия”, “права человека”, “свобода сексуальных меньшинств” и другие “демократические ценности” проповедовались и с амвонов, и с экранов телевидения, и в социальных сетях. После терактов 11 сентября 2001 года “неоконы” заняли ведущие позиции в администрации президента Буша-младшего и определяли его внешнеполитический курс. Когда были оккупированы Афганистан и Ирак, “вдруг” оказалось, что сопротивление и военному присутствию Запада, и его идеологии стало массовым и привело фактически к поражению самой мощной военной державы. США пытались перестроиться, отказались от прежних предложений вторжения в Ирак (якобы создание им оружия массового уничтожения и связи с Аль-Каидой) и заявили, что они пришли защищать “молодую демократию” и распространять её в регионе.

Сопротивление принимало всё более ярко выраженный характер исламистского экстремизма и терроризма, по сравнению с которым “Братья-мусульмане” вполне могли считаться умеренными.

Обширный регион арабского мира нуждался в обновлении. Но каком? Какими методами? В какие сроки? Нужно было изменить положение, когда десятилетиями правили диктаторские, репрессивные режимы, процветала коррупция, массы жили в нищете и не имели будущего. С помощью телевидения, социальных сетей в интернете люди, отвергавшие старое, вышли на массовые демонстрации в Тунисе и Египте и смели прежние правительства. А что дальше? Как только стали осуществляться принципы западной демократии, к власти в этих странах пришли исламисты. Но как распорядиться властью в условиях финансово-экономического кризиса? Ведь всегда в истории все революции приводят сначала к экономическому упадку, который сталкивается с завышенными ожиданиями маньи небесной, а потом и с фрустрацией масс. Результат – новые “революции” в Египте и приход к власти военных, и уход с первых ролей исламистов в Тунисе.

В Ливии, Йемене, Сирии, Ираке события развивались ещё более трагически. НАТО вмешалось в гражданские беспорядки в Ливии и обеспечило победу оппозиционных сил, которых западники называли “демократами”. На деле страна оказалась во власти воюющих между собой группировок исламистской окраски – будь то на племенной, конфессиональной, этнической или “просто” бандитской основе. Территориальный раскол Ливии, образование соперничающих “парламентов” и “правительств” стало фактом.

Оппозиция в Сирии, поддерживаемая финансами, оружием, боевиками и, конечно, СМИ Запада и стран Персидского залива, всё более отчётливо принимала исламистский характер. За пять лет гражданской войны наибольший успех выпал на “Исламское государство в Ираке и Леванте” (русская аббревиатура – ИГИЛ, арабская – ДАИШ, запрещено в РФ), и филиал местной

Аль-Каиды – Джабхат ан-Нусра. Режим находился на грани гибели, но фактически был спасён и усилен неожиданным вмешательством российских воздушно-космических сил.

ДАИШ, родившийся в суннитских провинциях Ирака, смёл все границы и объявил о создании Всемирного халифата. Террористы? Безусловно, причём прибегающие к самым варварским видам террора. Экстремисты? Конечно. Их идеология, методы, религиозные понятия отвергаются ведущими мусульманскими богословами. Репрессии и методы? Невиданные за последние десятилетия: театрализованные массовые убийства христиан, язидов, шиитов за то, что они христиане, язиды, шииты, превращение в рабынь захваченных женщин и торговля ими на настоящих (невыдуманных!) рынках рабов. И как выражение своей “веры” – уничтожение древних памятников великих цивилизаций.

Всё так. Но почему же в ДАИШ приезжали, пробирались десятки тысяч добровольцев – джихадистов из других мусульманских стран, из Европы, Китая, России, Средней Азии? Почему их не останавливали отвратительные жестокие преступления, видео которых ДАИШ сладострастно распространяет через интернет?

Свою роль играли и денежные средства, захваченные в Мосуле, и “заработанные” на контрабанде украденной нефти, и средства, полученные у частных доноров из стран Персидского залива. Под ударами ВКС России, под бомбежками американской и английской авиации территория, контролируемая ДАИШ, сокращается. Но как метастазы рака, новые территории, организации, ячейки ДАИШ появляются в Ливии и Нигерии, в Сомали и на Синайском полуострове, в Египте, в Афганистане и России, в Средней Азии, Западной Европе и даже в США. Об этом говорят теракты в Калифорнии, в Париже, в Брюсселе.

Российские сторонники “теории заговора” считают распространение исламского экстремизма осуществлением планов Вашингтона, направленных на создание территорий “управляемого хаоса”, перекройки границ региона. Зачем? Якобы с целью легче управлять, разрушая уже сложившиеся, верные Западу или нейтральные режимы.

Но можно посмотреть на события совсем под другим углом. Не ответ ли это масс и активных экстремистов на вызовы глобализации, где им предусмотрена роль париев, ведомых, зависимых? Не являются ли ДАИШ, Аль-Каида и им подобные незаконными детьми глобализации, пусть отвратительными, безмерно жестокими, фанатичными, но именно отпрысками этой самой глобализации, которая происходит по западным лекалам? Да, Вашингтон совершил многочисленные, порой преступные ошибки, оправдываясь лживыми аргументами, но именно потому, что он нёс свою систему ценностей в другой мир с его собственной религией, культурой, его чувством достоинства, его менталитетом, он и потерпел неудачу. Мало того, его попытки навязать “свою” демократию силой и вызвали ответную реакцию в форме исламистского экстремизма, терроризма, чудовищных актов насилия, в том числе в странах Западной Европы и США. Да, процесс цивилизационной трансформации превратился во взрыв. Последствия и ход событий предсказать трудно. В наш век, когда умами и настроениями управляют информационные технологии, можно с уверенностью говорить только о том, что нас ждут новые неожиданные повороты, новые формы борьбы и новые “гибридные” войны.

Где, когда, на какой платформе, на каких условиях смогут встретиться Запад и Восток? Нет ответа на этот вопрос.

Но диалог, взаимопонимание, терпимость, выработка общих принципов жизни в нашем глобализованном мире – дело необходимое, чтобы избежать худшего. А худшее – превращение терроризма, убийств в обыденность, в повседневность.